ХРОНОС

Триста лет лжи

Лисса Вит

Лисса Вит

Хронос: Триста лет лжи

«Автор»
2026

Вит Л.

Хронос: Триста лет лжи / Л. Вит — «Автор», 2026

Её магии нет в учебниках. Её прошлого нет в её памяти. А под Академией ждёт тот, кто не должен был дожить до этого дня.Кира Ольхова поступила в Академию магии обычной деревенской девчонкой. А вышла с Распределения с золотым спектром — тем, которого не видели триста лет. Теперь она «временная». Без факультета. Без защиты. Наследница огненного рода открыто называет её врагом, а наследник водного рода — невыносимый аристократ Дарий Арканов — почему-то каждый раз оказывается рядом: то колкое слово, то неожиданная помощь, то взгляд, от которого хочется сделать шаг назад. Или навстречу.Но это только начало. Кто-то три века стирал из архивов любые упоминания пятой стихии — магии времени. А глубоко под чёрной башней, в петле, где нет ни секунды, ни вечности, спит человек, ради которого Кира пойдёт в темноту — даже если петля потребует плату.Золото коснулось чёрного. Спящий просыпается. И правда, которую прятали триста лет, вот-вот выйдет наружу.

© Вит Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дорога в никуда 6
Глава 2. Ворота Академии 10
Глава 3. Распределение 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Лисса Вит
Хронос: Триста лет лжи

Глава 1. Дорога в никуда

Экипаж трясло.

Кира уже час пыталась пристроить голову так, чтобы не биться затылком о деревянный бортик при каждом ухабе. Но дорога будто издевалась — подбрасывала ровно в тот момент, когда она почти засыпала. В конце концов она плюнула, села прямо и уставилась в окно.

За окном проплывал мир, который она знала только по картинкам из лавочных книг.

Сначала шли поля — золотые, пшеничные, с редкими фигурками жнецов. Кира смотрела на них и думала: интересно, у них тоже спина болит к вечеру? У её отца всегда болела — после целого дня у горна. Он приходил, садился на лавку и говорил: «Ну, дочь, давай, рассказывай, кого сегодня побила». И она рассказывала — про мальчишку, который дразнил соседскую кошку, про лавочника, который обвесил мать на рынке, про всё на свете. Отец слушал, кивал, а потом гладил её по голове своей огромной, вечно горячей ладонью — и весь мир становился правильным.

Поля сменились лесами.

Лес был странный. Не такой, как у них под Красногором — тёмный, дремучий, с буреломами и волчьим воем по ночам. Этот лес был... причёсанный? Словно кто-то специально рассадил деревья на равном расстоянии друг от друга. И мох на стволах светился — мягким, зеленоватым светом. Кира читала про такое: магические флуктуации, остаточный фон от старых заклинаний.

В их деревне магии было — кот наплакал. Староста умел прикуривать от пальца, и то считался колдуном. Рождались здесь маги редко, что уж говорить о тех, кто дотягивал бы до академии. За всю историю деревни таких набиралось от силы пара человек — да и те не в счёт: кто-то лишь однажды разжёг огонь без кремня, кто-то разбил всю посуду в доме, не прикоснувшись к ней. Зато в соседних деревнях бывало: вскипит вдруг колодец, взлетит стог сена или начнёт корова мычать человеческим голосом. Тогда слали запрос в академию — и та отвечала, что пришлёт возницу. Платила она не кому попало, а местному извозчику, пожилому мужику, который, поговаривали, возил деревенских магов в город не первый год. Тот приезжал под вечер, ворчал, шикал на дорожные огоньки — точно сам видал вещи, о которых не любят вспоминать, — и увозил юного мага на распределение. И не всякому выпадало пять лет обучения: случалось, что дара хватало ровно на базовый курс, после которого ученик возвращался домой — и жил дальше, как жил, только втайне умея то, чего не умеют другие.

— Эй, — сказала она вознице, высунувшись в переднее окошко. — А это что за светящееся?

— А, это, — возница, пожилой мужик с лицом печёного яблока, даже не обернулся. — Лихолесский мох. Тут недалеко в старину битва была, магическая. С тех пор и светится. Ты давай не высовывайся, ветром продует.

Кира села обратно. Битва. Магия. Всё это было так далеко от её жизни — жизни, в которой главными событиями были: удалось ли матери продать мазь от ревматизма старостихе, не сломался ли у отца молот и не стащил ли соседский пёс опять их курицу.

Теперь её везли в Академию магии. Потому что с ней что-то было не так.

Три недели назад всё ещё было обычным. А потом...

Это случилось в кузнице. Обычный день. Отец ковал подкову — размеренные удары молота, звон металла, летящие искры. Кира держала заготовку клещами — как держала сотни раз до этого. Отец занёс молот для очередного удара...

И мир остановился.

Не замер — именно остановился. Молот завис в воздухе. Искры — десятки золотых точек — застыли на полпути к полу. Отец превратился в статую — с поднятой рукой, с напряжёнными мышцами, с каплей пота на лбу, которая не падала.

Кира закричала.

Она не могла пошевелиться — но могла кричать. И от её крика время... вернулось? Молот опустился. Искры упали. Отец выдохнул и опустил руку:

— Ты чего побледнела?

Она не смогла объяснить.

Потом это случилось ещё раз — на рынке, когда на неё чуть не опрокинули лоток с рыбой. Рыба застыла в воздухе. Потом ещё раз — когда соседский мальчишка швырнул в неё камнем. Камень завис в дюйме от её лица. Кира видела каждый его изъян, каждую трещинку — целую вечность, уместившуюся в одну секунду.

Староста, узнав, сказал: «Везите в Академию». Староста был человек осторожный. Он не сказал «колдунья» — но слово повисло в воздухе, невысказанное. Мать плакала. Отец молча собирал её вещи.

— Это не наказание, — сказал он, затягивая ремни на её дорожном мешке. — Просто... там тебе помогут. Разберутся.

— Я не хочу никуда уезжать, — сказала Кира.

— Я знаю, дочка. Я тоже не хочу, чтобы ты уезжала. Но ты же у меня бедовая. Бедовым иногда нужно... в другое место. Где бедовость пригодится.

Он улыбнулся — и от этой улыбки у Киры сжалось сердце.

Экипаж выехал на холмы.

Теперь за окном тянулась вересковая пустошь — рыжая, с проплешинами серого камня. Вдалеке, на горизонте, собирались тучи — тяжёлые, сизые, обещавшие грозу. Кира смотрела на них и машинально считала секунды между вспышкой молнии и раскатом грома. Этому её научил отец: «Гроза в пяти милях — можно не бояться. В миле — беги в дом».

Гроза была далеко. Можно было не бояться.

Флешбек накатил без спроса — как всегда: не картинкой, а ощущением. Жар. Пот на лбу. Мама склоняется над ней, губы шепчут что-то успокаивающее, но слов не разобрать — они тонут в гуле крови. А потом — темнота. Не сон. Именно темнота. Густая, вязкая, без сновидений. Пустота длиной в несколько дней.

Она очнулась — слабая, будто из неё выкачали все силы. Мама плакала. Отец стоял в дверях, огромный и беспомощный. «Ты нас напугала, — сказала мама, поглаживая её по мокрым волосам. — Мы думали, ты не вернёшься».

Кире тогда было восемь.

С тех пор память её детства походила на истлевший гобелен: узор местами цел, а местами сквозь него зияли прорехи — и о том, что было между, она могла лишь догадываться. Мать говорила: последствия болезни. Лихорадка, мол, иногда отнимает воспоминания. Кира привыкла. Она помнила главное: что её любят. Что мама — травница, у которой самые тёплые руки в мире. Что отец — кузнец, который может подковать лошадь, починить плуг и сделать так, что даже самый хмурый день становится смешным. Что у них есть пёс Бублик, который спит у печи и пускает во сне пузыри. Что дом пахнет сушёной мятой и горячим железом — странное сочетание, но для неё это и был запах счастья.

Остального она не помнила — и не жалела. Мало ли кто что помнит в восемь лет.

Экипаж качнулся и остановился.

— Приехали? — Кира высунулась в окно.

— Нет, — буркнул возница. — Лошадей напоить надо. Вон ручей. Можешь размяться, но далеко не уходи. Места тут дикие.

Кира выбралась из экипажа. Ноги затекли, спина ныла. Она потянулась, размяла плечи и огляделась.

Вересковая пустошь уходила во все стороны, сливаясь с небом на горизонте. Ветер пах дождём и чем-то пряным — незнакомым, не её. Её ветер пах сеном и дымом. Этот был чужой.

Она подошла к ручью, присела на корточки, зачерпнула воду. Вода была ледяная и отдавала железом. Кира умылась, стёрла дорожную пыль с лица и посмотрела на своё отражение.

Из воды на неё смотрела девушка семнадцати лет — с тёмными волосами, выбившимися из косы, с упрямым подбородком и глазами...

Она нахмурилась. С глазами что-то было не так. Ей показалось — на секунду — что зрачок блеснул золотом. Но солнце уже скрылось за тучами, и она списала это на игру света.

— Эй! — окликнул возница. — Залезай! Скоро гроза начнётся, а нам ещё до перевала ехать!

Кира бросила последний взгляд на ручей — и пошла к экипажу.

Дальше дорога пошла вверх. Лошади тянули тяжело, возница цокал языком и хлестал вожжами. За окном начали появляться странные вещи: каменная арка, стоящая посреди чистого поля без всякого смысла; дерево, растущее кроной вниз, корнями вверх; блуждающие огоньки, которые загорались в сумерках и летели за экипажем, пока возница не шикнул на них и не бросил щепотку соли через плечо.

— Магический край, — пояснил он, заметив её взгляд. — Тут уж такое. Привыкай. Там, — он кивнул вперёд, — вообще чудеса начнутся.

«Чудеса», — подумала Кира. Ей не нужны были чудеса. Ей нужно было домой.

Она закрыла глаза и представила: вот она заходит в дом, сбрасывает мокрые сапоги у порога, мама оборачивается от печи — «Кира!» — и бежит обнимать; отец отрывается от работы, вытирает руки о фартук, улыбается в усы; Бублик просыпается, шлёпает хвостом по полу и лениво тявкает: мол, явилась — не запылилась.

Тепло. Уют. Запах мяты и железа.

Она открыла глаза.

За окном шёл дождь. Первые капли барабанили по крыше экипажа. Потом сильнее. Гроза догнала их у самого перевала — небо раскололось, полыхнуло, грохнуло так, что лошади всхрапнули, а возница выругался сквозь зубы. Молния ударила где-то совсем близко — Кира почувствовала запах озона и услышала треск.

— Ничего-ничего, — бормотал возница, нахлёстывая лошадей. — Успеем. Тут уж рядом.

Экипаж взлетел на гребень холма — и Кира увидела.

Она.

Академия.

Громада вырастала из склона горы, словно сама гора извергла её из тумана и камня. Четыре башни взлетали к небу — алая, синяя, зелёная и серебряная. Они были соединены переходами — тонкими, как каменное кружево, подсвеченными изнутри тёплым янтарным светом. За ними, на фоне грозового неба, угадывалась пятая башня — чёрная игла, вонзённая в облака. Она не светилась. Ни одно окно в ней не горело.

— А вон та, чёрная... — начала Кира.

Но возница её не слушал. Он гнал лошадей под спасительную арку ворот.

Когда они въехали во внутренний двор, Кира поняла: она здесь чужая. Вокруг толпились абитуриенты — кто в дорогих одеждах, с фамильными артефактами на шее и на пальцах, кто в простых, как она сама. Все они были взволнованы, напуганы, возбуждены. Все смотрели на башни с надеждой. Они хотели здесь быть.

Кира — нет.

Она вылезла из экипажа под проливной дождь, подхватила свой дорожный мешок и пошла к дверям — мимо шумной толпы, мимо надменных лиц и нервных улыбок, мимо чужой

радости и чужого страха. Дождь хлестал по лицу, ветер рвал волосы из косы — но ей было всё равно.

Она остановилась на мгновение у дверей и обернулась.

Где-то там, за холмами, за лесами, за полями — остался дом. Мама и отец. Бублик, спящий у печи. Запах мяты и горячего железа. Жизнь, которую она знала и любила.

Она шагнула внутрь.

И двери закрылись за ней.

Глава 2. Ворота Академии

Двери закрылись за спиной — и дождь остался снаружи, будто его отрезало ножом.

Кира стояла в полумраке и не сразу поняла, куда попала. Она ожидала увидеть зал — узкий, тесный, с обшарпанными стенами. Вместо этого перед ней раскрылось пространство, от которого перехватило дыхание.

Вестибюль Академии оказался высотой с колокольню. Стены уходили вверх, в сумрак, где терялись рёбра каменных сводов. Пол был выложен плитами — серыми и гладкими, точно отполированными сотнями лет чужих шагов. Вдоль стен тянулись знамёна четырёх цветов: алые, синие, зелёные, серебряные. Каждое — с вышитым символом. Огонь. Волна. Росток. Вихрь.

И ни одного пятого знамени.

Кира поёжилась — не от холода, хотя с мокрой одежды капало. От чего-то другого. От ощущения, что это место — не для неё.

— А ну не стой столбом! — рявкнул кто-то рядом.

Она обернулась. Возница стоял сзади, держа её дорожный мешок, мокрый, как и она сама.

— Держи, — он сунул ей мешок. — Дальше я не ходок. Мне туда нельзя.

— Почему?

— Потому что у меня дара — кот наплакал, а в главный зал пускают только поступающих. Ты иди прямо по коридору, там толпа. Не потеряешься.

Он помолчал, потом добавил — негромко, без обычного ворчания:

— И вот что, девонька. Ты там... не робей. Такие, как ты, они тут нужны. Даже если пока сама не знаешь, зачем.

Кира удивлённо посмотрела на него. Возница смутился, махнул рукой и вышел обратно под дождь, хлопнув дверью.

Она осталась одна.

Коридор привёл её в главный зал.

Здесь было людно, шумно и душно. Десятки юных лиц, десятки мокрых плащей, десятки голосов, сливающихся в гул. Кира встала в стороне, прижав мешок к груди, и осмотрелась.

Поступающие были разные. Одни — в дорогих одеждах: бархат, вышивка, серебряные застёжки. На шеях и пальцах у них поблёскивали фамильные артефакты — кольца с живыми камнями, кулоны, в которых что-то медленно двигалось. Эти держались уверенно, даже надменно. Другие — как Кира — в простом, пропылённым дорогой, с испуганными глазами и сжатыми губами. Они жались к стенам и старались не привлекать внимания.

Между двумя мирами была невидимая черта. И Кира уже понимала, по какую сторону она стоит.

— Смотри-ка, — донеслось откуда-то справа. — Ещё одна из деревни. Нынче, говорят, даже пастухов берут.

Кира не обернулась. Отец учил её: на пустые слова не отвечай — устанешь.

Она смотрела на башни.

Изнутри, через высокие стрельчатые окна, их было видно плохо — только тёмные силуэты на фоне грозового неба. Но одна башня видна была лучше всех. Та самая. Чёрная. Её верхушка торчала прямо напротив окна, будто тянулась к Кире через весь двор. Ни одного окна в ней не горело. Ни одного света.

«Пятая башня, — подумала Кира. — Интересно, кто там живёт».

Но спросить было не у кого.

В толпе произошло какое-то движение. Все разом повернули головы к дверям.

Во двор въехал экипаж.

Он был не чета тому, в котором ехала Кира, — лакированный, с позолоченной резьбой и двумя фонарями, горевшими даже под дождём, несмотря на воду. На дверце красовался герб: чёрная саламандра, объятая языками пламени.

Толпа зашепталась.

— Мортисы... — прошелестело где-то рядом. — Это ж их экипаж. Саламандра Мортисов.

Дверца открылась. Из экипажа вышла девушка.

Кира увидела её в первый раз — и запомнила навсегда.

Она была красива. Не милой красотой, не тёплой — а холодной, острой, как лезвие. Пепельные волосы, уложенные в идеальную причёску, которую дождь не смел тронуть. Бледное лицо с высокими скулами. И мантия — алая, как свежая кровь, — уже надетая, будто ей не нужно было никакого Распределения.

За ней из экипажа вышли двое — молчаливые слуги в сером, которые несли её вещи, сгибаясь под их тяжестью. Девушка даже не взглянула на них.

— Это Сера Мортис, — прошептал кто-то. — Племянница декана Огненного факультета. Говорят, у неё дар с рождения, сильнейший за три поколения. Ей даже Распределение не нужно — огонь её давно признал.

Кира смотрела на неё — и не могла отвести глаз. Не потому, что завидовала, — а потому, что впервые увидела человека, который с рождения знал, кто он такой.

Сера прошла сквозь толпу, как нож сквозь масло. Поступающие расступались перед ней, не отдавая себе отчёта. Она не смотрела ни на кого — только вперёд, на лестницу, ведущую наверх.

На мгновение их взгляды встретились.

Сера скользнула по Кире глазами — сверху вниз, с мокрой одежды до дорожного мешка. На её лице не отразилось ничего. Ни презрения, ни интереса. Просто пустота. Как будто Кира была не человеком, а предметом обстановки, который не стоит усилий, чтобы его замечать.

Потом Сера отвернулась и пошла дальше.

Кира выдохнула. Только сейчас она заметила, что всё это время не дышала.

Она не заметила, как толпа стала плотнее.

Все смотрели вслед Сере, тянули шеи, толкались, перешёптывались. Кто-то наступил Кире на ногу. Она охнула, попятилась — и врезалась спиной в кого-то, кто шёл сзади.

— Эй! — раздался резкий голос у неё над ухом.

Кира обернулась — и отшатнулась ещё сильнее.

Перед ней стоял парень. Высокий, тёмноволосый, в дорогом тёмно-синем плаще с серебряной вышивкой по воротнику. Он был на голову выше неё — и сейчас смотрел на неё сверху вниз с таким выражением, будто она наступила не на плащ, а на что-то святое. Первокурсником он не был — это читалось сразу: и по осанке, и по тому, как небрежно сидела на нём дорогая одежда, точно он давно привык к ней. И было видно, что вся эта толпа новичков, сбившаяся в кучу у входа, только мешает ему пройти туда, куда он, судя по всему, спешил.

— Ты вообще смотришь, куда идёшь? — процедил он, отряхивая рукав, хотя Кира едва его коснулась.

— Прости, — сказала она, чувствуя, как загорелись уши. — Меня толкнули.

— Меня, знаешь ли, тоже постоянно кто-то толкает. Удивительно, но большинство всё-таки умудряется при этом не падать на людей.

Он говорил холодно, негромко, и от этой холодности было хуже, чем если бы он просто накричал. Словно сам факт её существования рядом с ним был досадной случайностью.

Кира сжала кулаки. Она была виновата — но не настолько, чтобы стоять и выслушивать это.

— Я извинилась, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Что-то ещё?

На мгновение в его глазах мелькнуло удивление. Будто не ожидал, что «деревенщина» вообще посмеет поднять на него взгляд.

— Что-то ещё? — переспросил он с тенью усмешки. — Нет. Пожалуй, достаточно. На сегодня ты уже оставила по себе впечатление.

Кира почувствовала, как закипает злость. Но отец учил её держать язык за зубами, особенно с такими, у кого дорогая одежда и холодные глаза.

Она молча развернулась, чтобы уйти.

— Постой.

Она остановилась против воли.

Он смотрел на неё — уже без насмешки, внимательно, словно что-то разглядывал.

— Как тебя зовут?

— А зачем тебе?

— Просто любопытно, кто именно умудрился врезаться в наследника рода Аркановых в первый же день.

Кира сглотнула. Впрочем, она и так уже поняла, что перед ней не простой студент.

— Кира, — ответила она коротко. — А ты, как я погляжу, тот самый наследник, которому, видимо, забыли выдать скромность вместе с плащом.

В толпе кто-то прыснул. Парень не пошевелился, но в его глазах что-то дрогнуло — то ли раздражение, то ли, наоборот, интерес.

— Дерзкая, — произнёс он медленно. — Это ненадолго. Академия быстро объясняет таким, как ты, где их место.

— А таким, как ты? — не удержалась Кира.

Он улыбнулся — впервые, и улыбка эта была не тёплой. Она была ледяной, как всё в нём.

— Таким, как я, — ответил он, — место указывать не нужно. Я и так знаю, где оно.

К нему уже спешили. Три девушки в синих мантиях возникли рядом, будто из ниоткуда, и окружили его, защебетали, дёргая за рукава.

— Дарий, ну где ты пропал! Мы тебя по всей Академии ищем!

— Мы заняли тебе место в зале, у самого окна!

— А ещё я привезла из дома засахаренные фрукты, твои любимые...

Дарий. Так его зовут. Кира отметила имя про себя, но вслух ничего не сказала.

Он отвернулся от неё — легко, как от пустого места — и повернулся к девушкам с той же ледяной полуулыбкой, которая у него сходила за любезность.

— Иду, иду, — бросил он. — Покажите дорогу.

Он ушёл, окружённый своей свитой, и толпа снова сомкнулась за ним.

— Арканов... — прошелестело где-то рядом. — Это же тот самый. Наследник. Третий год здесь, а уже говорят — равных ему нет.

Кира осталась стоять, глядя ему вслед. Сердце колотилось — то ли от злости, то ли от чего-то ещё.

«Напыщенный павлин», — подумала она.

Но почему-то ещё долго потом помнила, как он, уже отойдя на несколько шагов, вдруг обернулся через плечо — и быстро скользнул по ней взглядом. Словно проверял, смотрит ли она.

Вечер сгущался. В главном зале зажглись магические светильники — без огня, сами собой, — и залили зал мягким янтарным светом. Толпа поступающих поредела: кого-то уже уводили наверх, в дортуары, кого-то — в отдельные комнаты.

Кира сидела на своём мешке у стены и ждала.

Она устала. Дорога вымотала её, дождь промочил до костей, а от гула голосов болела голова. Но спать не хотелось. Хотелось только одного — чтобы рядом был кто-то знакомый. Мама. Отец. Хотя бы Бублик, который сейчас, наверное, спит у печи и пускает пузыри.

— Внимание! — раздался громкий голос.

На лестнице появился мужчина в серой мантии — сухощавый, с прямой спиной и лицом, будто вырезанным из старого дерева. Он обвёл толпу холодными глазами.

— Я — распорядитель первого года. Поступающие без фамильных мантий — за мной. Вас разместят в общем дортуаре. Те, кто прибыл с родовыми знаками, — оставайтесь, вас проводят отдельно.

Толпа пришла в движение. Одни — с гербами и в мантиях — остались на месте, явно довольные. Другие — как Кира — потянулись к лестнице, подхватив мешки.

Кира встала. Закинула мешок на плечо и пошла за распорядителем.

Перед самой лестницей она обернулась — сама не зная зачем.

На другом конце зала, в окружении всё тех же трёх девушек в синем, стоял Дарий. Он смотрел на неё. И когда их взгляды встретились, он не улыбнулся, не кивнул. Только смотрел — холодно, оценивающе, будто запоминая.

Кира не отвела глаз. Так и стояли они секунду — разделённые толпой, шумом, пропастью между своими мирами.

Потом она развернулась и пошла вверх по лестнице.

За её спиной, за высокими стрельчатыми окнами, продолжал хлестать дождь. Где-то далеко, за холмами и лесами, остался дом.

А впереди была первая ночь в Академии.

Глава 3. Распределение

Утро началось не с рассвета, а с голоса.

— Подъём! Поступающие первого года! Построение в главном зале через полчаса! Опоздавшие на Распределение будут немедленно отправлены домой!

Голос звучал прямо в голове — мягкий, почти ласковый, но с металлической ноткой, которая не оставляла сомнений: это не человек.

Кира открыла глаза и уставилась в чужой потолок. Серый камень. Паутина трещин. Пахло сыростью и чужими вещами.

Над её койкой, на стене, висела ракушка — крупная, перламутровая, с закрученными краями. Именно из неё и лился голос. Ракушка мерцала мягким синим светом в такт словам.

— Повторяю для тех, кто плохо слышал, — пропела ракушка, — подъём. Через полчаса. Опоздаете — пеняйте на себя. Приятного утра.

Свет погас. Ракушка замолчала и снова стала просто ракушкой — мёртвым предметом на стене.

— Что это было? — прошептала Кира, ни к кому не обращаясь.

— Оповещатель, — сонно отозвалась девушка с соседней койки. — Ты что, таких не видела? Они во всех дортуарах висят. Полуразумные. Им ещё фразу нужно задать, чтобы они не повторяли. Иначе будут бубнить до обеда.

Девушка села на койке, потянулась и привычным движением сказала в сторону ракушки:

— Принято. Спасибо.

Ракушка мигнула синим и погасла окончательно.

Кира смотрела на неё, разинув рот. Полуразумная ракушка-будильник. В их деревне самым сложным магическим устройством был насос, который качал воду из колодца без рук. И тот иногда ломался.

Дортуар оживал. Два ряда коек — по десять на каждой стороне, двадцать девушек. Все из простых: без фамильных мантий, без родовых гербов, без артефактов на шеях. Те, кто прибыл со знаками отличия, ещё вчера вечером были расселены в отдельных комнатах — по две, по три, согласно статусу их семей. Для них Распределение было формальностью: они и так знали, какой цвет зажжёт Машина. Знали с детства. Знали — и ждали только подтверждения.

Для этих же, в общем дортуаре, Распределение было судом.

Кира натянула единственное чистое платье, которое положила мать, и кое-как пригладила волосы. Коса расплелась за ночь. Она заново заплела её — туго, до боли в корнях, будто могла спрятать в этом усилии страх.

Страх был. Она чувствовала его не в сердце даже, а где-то под ложечкой — вязкий, тянущий, противный.

Что, если её дар — ошибка? Что, если Машина посмотрит на неё и скажет: «Пусто. Ничего нет. Ошибка измерений. Домой»?

С одной стороны — это было бы счастьем. Дом. Мама. Отец. Бублик.

С другой...

С другой, она помнила искры, зависшие в воздухе кузницы. Помнила рыбу, застывшую над опрокинутым лотком. Помнила камень перед своим лицом — и каждую трещинку на нём.

Это не могло быть ошибкой.

Главный зал преобразился за ночь. Вчерашняя толпа дробилась и перестраивалась, приобретала очертания. Поступающих выстроили в четыре линии — по числу факультетских башен, — и теперь они стояли, поглядывая друг на друга, на знамёна, на возвышение в центре зала, которое вчера ещё пустовало.

Теперь там стояла Машина.

Кира никогда не видела ничего подобного. Сложное сплетение хрустальных трубок, медных пластин и стеклянных сфер — всё это гудело, светилось, дышало. В центре конструкции помещался пьедестал: две ступеньки, узкая площадка и два поручня, на которые поступающий должен был положить руки.

Вокруг Машины стояли четверо. По цветам мантий Кира догадалась: деканы.

Алый — высокий мужчина с гривой седых волос, собранных в хвост. Декан Игниса. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на поступающих с лёгким прищуром — будто уже прикидывал, кто достоин Огня. Рядом с ним, чуть позади, стояла Сера Мортис в своей алой мантии. Ей не нужно было стоять в общей линии. Она уже была там, на возвышении, рядом с дядей-деканом, — и смотрела на толпу сверху вниз всё с той же пустотой во взгляде.

Синий — высокая женщина с серебряной косой до пояса. Декан Унды. Её мантия переливалась, как вода под солнцем, хотя солнца в зале не было. Она единственная из деканов улыбалась — мягко, рассеянно, словно думала о чём-то далёком и приятном.

Зелёный — коренастый бородач с руками, перепачканными землёй. Декан Терры. Он не стоял на месте — прохаживался вдоль Машины, что-то бормотал под нос, трогал трубки и один раз шумно чихнул.

Серебряный — самый молодой из деканов, с острым лицом и беспокойными пальцами. Декан Вентуса. Он не смотрел на поступающих. Он смотрел на Машину — с голодным выражением человека, который ждёт цифр, данных, результатов.

— Начинаем! — провозгласил распорядитель первого года, тот самый сухощавый мужчина в сером. — Поступающие вызываются по списку. Фамилия, имя. Подходите к Машине. Возлагаете руки на поручни. Ждёте результата. И отходите согласно цвету, который выдаст механизм. Повторяю для непонятливых: цвет вспышки означает ваш факультет. Алый — Игнис. Синий — Унда. Зелёный — Терра. Серебряный — Вентус. Вопросы есть? Вопросов нет. Первый!

Первым вызвали Алана Корвина — фамилию Кира расслышала, потому что стояла близко к началу очереди. Он поднялся на пьедестал неуверенно, будто шёл на казнь. Положил руки на поручни.

Машина загудела громче. Хрустальные трубки засветились. Сферы завертелись вокруг своей оси. Вспышка — яркая, синяя, на мгновение окрасившая весь зал в цвет морской волны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.